

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 31—42.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 31—42.

Научная статья

УДК 821.161.1-192

DOI: 10.46726/И.2022.1.3

МИФОЛОГЕМА СТРАШНОГО СУДА В ИДИОЛЕКТЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

Виталий Александрович Гавриков

Брянский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

Аннотация. Поздний Башлачёв эсхатологичен. При этом прямых эсхатологических маркеров у него не так много. Однако анализ с опорой на мифологию, религиозные источники (в первую очередь, христианскую апокалиптику) и художественную литературу свидетельствует, что поэт ожидал скорое вселенское обновление, которое заключено у него во множестве «конечных» поэтических формул. Да и в интервью тема апокалипсиса периодически возникает. Причем система эсхатологических отсылок достаточно упорядочена. В ней соединяются ключевые христианские праздники (Воскресение, Рождество, Благовещение, Крещение...) с современностью. Прошлое, настоящее и будущее сплавлены в единый хронотоп, а мир находится на пороге нового откровения свыше. Эта «весть» будет масштабнее и величественнее всех прежних откровений (Великий пост заменяется у Башлачёва «Вечным постом»). Главным субъектом грядущего апокалипсиса становится Имя Имён, это и религиозный лидер — мессия, и поэт. Однако не он будет судить людей в конце мира и не Бог. По Башлачёву, каждый человек окажется для себя судией. И каждый будет спасен: об этом говорится в песнях и в интервью. Башлачёвский апокатастасис зиждется на идее предуготовительного страдания, которое очищает в жизни, чтобы дать спасение через смерть. Жизнь неотъемлема от всеобщего наказания, которое действует априори — как физический закон. Если Страшный суд — дело частное: каждый «сам себе Балда», то спасение — дело всеобщее. Башлачёв предлагает особую концепцию соборности, где человечество «всей гурьбою» поднимается по Вавилонской башне на Небо, которое прообразует грядущий рай. Башлачёвские чаяния оказываются исторически связанными с «малым апокалипсисом» — Чернобылем, распадом СССР, вторым Крещением Руси (не только календарным в 1988 г.), а также со смертью самого поэта. То есть башлачёвские эсхатологические интуиции во многом оказались пророческими.

Ключевые слова: Александр Башлачев, апокалипсис, эсхатология, Страшный суд, миф

Для цитирования: Гавриков В.А. Мифологема страшного суда в идиолекте Александра Башлачёва // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 31—42.

© Гавриков В.А., 2022

Original article

THE MYTHOLOGEME OF THE LAST JUDGMENT IN THE IDIOLECT OF ALEXANDER BASHLACHEV

Vitaliy A. Gavrikov

Bryansk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Bryansk, Russian Federation, yarosvettt@mail.ru

Abstract. Bashlachev is the largest Russian rock poet, who died tragically at the age of 27. The key theme in the later poetry of Alexander Bashlachev is eschatology. However, the poet does not have too many explicit eschatological markers. To find the eschatological layer in the late poetry of Bashlachev, it is necessary to turn to mythology, religious sources, literary tradition. At the same time, Bashlachev's eschatology is primarily associated with Christian apocalypticism. The poet expected an imminent universal renewal, which he expressed in many poetic formulas. The theme of the apocalypse also comes up periodically in interviews. Moreover, the system of eschatological references in Bashlachev's poetry is strictly ordered. This system is a combination of the main Christian holidays (Resurrection, Christmas, Annunciation, Epiphany...). These biblical events are taking place here and now, opening the way to a new post-apocalyptic age. That is, the past, present and future are fused into a single chronotope, the world is on the verge of a new revelation from above. This "message" will be larger and more majestic than all previous revelations (Great Lent at Bashlachev is replaced by "Eternal Lent"). The main subject of the coming apocalypse is the Name of Names, who is both the religious leader — the messiah and the greatest poet. However, the Name of Names will not judge people at the end of the world. God is also not a judge in Bashlachev's mythopoetic concept. On the contrary, man judges himself. And every person will eventually be saved. The idea of apocatastasis is found in songs and in Bashlachev's interviews. Universal salvation occurs through preliminary suffering, which purifies each person, prepares him for paradise. Salvation comes through death. And life is a universal punishment that acts a priori — like a physical law. In other words, the Last Judgment is a personal matter: everyone is "his own Balda", that is, a judge. But salvation is a universal matter. Bashlachev believes that at the end of time, humanity ascends through the Tower of Babel to Heaven, which is a metaphor for the future paradise. Bashlachev's insights surprisingly coincided with the history of the USSR. Chernobyl became the messenger of the "minor apocalypse". The collapse of the USSR, the second Baptism of Rus after Soviet atheism, the death of Bashlachev turned out to be fulfilled prophecies predicted in the songs.

Keywords: Alexander Bashlachev, apocalypse, eschatology, Last Judgment, myth

For citation: Gavrikov V.A. The mythologeme of the last judgment in the idiolect of Alexander Bashlachev, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 31—42.

Кризисные эпохи обостряют художественные эсхатологические интуиции. Так, в Серебряном веке апокалипсические мотивы были одними из самых востребованных. Кто-то призывал этот вселенский слом устоев (как Маяковский), кто-то ужасался ему (как Ахматова), кто-то принимал стоически (как Мандельштам или Блок).

Свой апокалипсис ожидал и советскую систему. Невиданный доселе социальный эксперимент оказался провальным, и самые чуткие уловили

начало конца в то время, когда глиняный колосс был еще на ногах. Одним из таких поэтов был Александр Башлачёв, в позднем творчестве которого соединились личные и социальные эсхатологические прозрения. Увы, этим пророчествам суждено было сбыться — конец советской эпохи стал и точкой смерти для, по общему мнению, самого талантливого поэта советского рока.

Правда, в последние два года жизни Башлачёв разочаровался в рок-движении, он нарочито избегал «роковых коннотаций» в своих произведениях. Самый яркий пример здесь — ставшая культовой в рок-среде песня «Время колокольчиков», которая задумывалась как гимн советского рок-движения (и стала таковой). В конце жизни Башлачёв «вычистил» из нее рок-составляющую, заменив «рок-н-ролл» на «свистопляс», тем самым радикально поменяв смысл всего текста.

Не раз в научной литературе указывалось, что поздний Башлачёв эсхатологичен. Например, А.И. Бойков, анализирувавший поэтику Башлачёва через лингвистическую призму, замечает: «Эсхатологический пафос поэзии Башлачёва, на который указывают почти все исследователи его творчества, создаётся иными средствами, нежели нагнетение соответствующей лексики. Башлачёв использует такие образы апокалипсиса, как петух, потоп, Страшный суд, но определяющей является эсхатологичность самого мировоззрения поэта» [Бойков: 74]. В настоящей статье я попытаюсь развить этот тезис А.И. Бойкова, опираясь на особенности башлачёвского идиолекта, который — интенционально — старался оторваться от узуса, в конечном счёте, выработать свою смысловую и лингвистическую вселенную, новый язык, которым можно говорить об апофатическом.

В целом же эсхатологические воззрения Башлачёва, особенно связанные с категорией последнего суда, пока ещё представляют собой исследовательскую лакуну. Единственной профильной работой по интересной нам теме стала статья 1998 года «Мистическая песнь человека: Эсхатология Александра Башлачёва», написанная С.В. Свиридовым [Свиридов].

В эсхатологии Башлачёва важнее всего то, что она напрямую сплавлена с жизнетворчеством и религиозно-мессианскими чаяниями поэта, то есть понять позднюю башлачёвскую поэтику нельзя, не учитывая эмоционально-поведенческих основ квазирелигии, «филологической веры» (С.В. Свиридов), созданной поэтом и названной «Имя Имён». «Такие хрестоматийные элементы религиозной жизни, как религиозные мифологические представления, религиозное чувство и религиозные действия (религиозная практика), следует непременно принять на вооружение, поскольку они представляют не что иное, как формы культурных установок: когнитивную, эмоциональную и поведенческую», — отмечает Д.Г. Курачёв [Курачёв: 84]. При этом подобная религиозно-жизнетворческая установка в случае с Башлачёвым была реализована и на рецепционном уровне: в воспоминаниях звучит мысль о том, что многие окружавшие Башлачёва люди воспринимали его как некоего «пророка», «духовидца», «медиатора».

Вообще тема конца времён в творчестве поэта очень обширна. Поэтому в настоящей статье я коснусь лишь одного из аспектов башлачёвской эсхатологии — мифологемы Страшного суда. Я выбрал соотносительность этого мотива-символа именно с мифопоэтикой потому, что он у Башлачева насквозь мифологичен, причем это не просто неомифологизм — это попытка «встроиться» в древнюю мистическую традицию, реанимировать реликты синкретического мышления.

При этом ключевыми столпами башлачёвской поэтической картины мира стали именно библейские, в первую очередь евангельские основы. Хотя они, конечно, претерпели ряд существенных трансформаций. Да и задумываться о конце времён поэт начал не сразу, а уж стройная эсхатологическая концепция выкристаллизовалась у него только в конце творческого пути. Поэтому говорить об эсхатологии Башлачёва нужно в контексте тех изменений, что претерпела его поэзия с 1978 по 1988 годы.

Работа над уже созданными текстами шла до последних концертов, а эти изменения, как я покажу дальше, нередко корректировали произведение, сообразуя его с башлачёвской эсхатологической концепцией, а также с новыми поэтико-лингвистическими установками. Эсхатология стала неким камертоном, который задавал тональность не только поздним текстам, но и изменял ранние.

Особенно наполнены апокалипсическими мотивами 5 поздних песен: «Имя Имён» (Имя Имён — это и есть некий актант, «делатель» апокалипсиса), «Вечный пост», «Всё будет хорошо», «Когда мы вместе» и «Пляши в огне». Эти композиции написаны преимущественно весной 1986 года.

Каким же видел поэт конец света? По Башлачёву, пришествие месии будет не таким, каким описано в «Деяниях апостолов»: «И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: “Мужи галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознёсшийся от вас на небо, придёт таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо”» (1:10—11). Другая цитата (Матф. 24:27): «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого». Явление Имени Имён будет связано с глобальным обновлением мира. Люди взойдут на некую новую онтологическую ступень «всей гурьбою»; как поётся в песне «Вишня», «люди станут добрыми». Причём все станут добрыми. Фраза из относительно ранней песни «Время колокольчиков» о том, что «большинство», а не все — «честные, хорошие», появилась ещё до мифопоэтической и эсхатологической концепции, она была адаптирована к новому контексту позже. Поэтому и сохранился этот «реликт» — «большинство», в интервью речь уже идёт о спасении всех: «Но для того, чтобы игра шла, кто-то должен играть белыми, а кто-то — чёрными. Иначе всё перепутается. И поэтому мы виноваты перед тем, кто вынужден быть плохим. Вот я, допустим, хороший. Да, я считаю себя хорошим, “добрым, честным, умным вроде Кука”. Но кто-то ведь должен быть плохим в таком случае. Иначе как, если все будут хорошими? Так будет когда-нибудь, и это довольно страшная вещь» (цит. по: [Наумов: 556]). Почему же страшная? Потому что не осталось выбора? Потому что не будет права на «игру»? А, быть может, страшна та цена (страдание), которую надо заплатить за общее счастье?

Тема общего спасения (апокатастасиса) прослеживается и в поздних текстах Башлачёва. Сравним последние строки «Вечного поста» и «Имени Имён»: «Небо с общину. / Всё небо с общину» — «Шабаш! Всей гурьбою на башню!». По сути, это одно и то же: всё человечество по Вавилонской башне, явно связанной с языком (новым истинным наречием), восходит на небо — к Богу. Об этом же песня «Когда мы вместе». Здесь, быть может, кроется и причина того страха, что испытывает Башлачёв перед всеобщим обновлением: «Когда мы вместе — нам не страшно умирать». Есть масса примеров в башлачёвском наследии, указывающих на то, что у поэта личная смерть

и апокалипсис смыкаются, решены в единой образной огласовке. Поэтому, видимо, апокалипсис и страшит, что означает всеобщую смерть (в том числе, собственную)? Правда, заканчивается песня на том, что «рано умирать» и «очень нужно жить». И тут странное противоречие: ожидание и призывание смерти-апокалипсиса и одновременное отталкивание.

Свиридов отмечает, что постапокалиптические образы — общее место поздних творений поэта: «Почти в каждой песне есть какая-нибудь формула этого царства равенства, где “всё будет хорошо” или где “пребудет всякому по нутру / да воздастся каждому по стыду”, где “Имя Имён вырвет с корнем всё то, что до срока зарыто”» [Свиридов: 95—96].

В этой связи приведу ещё одну любопытную фразу: «Когда мы вместе — все наши вести в том, что есть». В ней очень четко проявляются особенности «двоящегося», «мерцающего» башлачёвского идиолекта, его попытка постоянно создавать полисемические конструкции. Данная фраза ставит перед нами проблему соборной (общей) вести как истины. Башлачёв видит в слове «весть» отголосок слова «есть», таким образом, весть — «то, что есть» на самом деле: «Мне в доброй вести не престало врать» (цитата из той же песни). Получается, что «весть» и «ведать» для поэта этимологически родственные слова (вспомним церковнославянскую форму 3 лица единственного числа от глагола «ведати», сохранившуюся в идиоме «Бог весть» — Бог ведаёт). К тому же добрая весть — то же, что и благая весть. Здесь подключаются башлачёвские образы, связанные с церковными праздниками: «Листья воскресения да с весточки весны» («Как ветра осенние»). Сплошная эсхатология в этих шести словах! О них можно долго говорить, укажу лишь на столкновение Благовещения («весточка») и Воскресения, оба праздника весенние. Плюс — прозрачна «древесная» семантика микроконтекста: листья (опять же полисемически «двоящиеся») и «весточка»-веточка (паронимическая аттракция).

Итак, спасение — дело общее. Соборность, особенно для позднего Башлачёва, была одной из ключевых категорий, если вообще — не ключевой. Этика всеобщего делания — важная составляющая построения вселенской гармонии:

Я, конечно, спою.
Я, конечно, спою.
Но хотелось бы хором.
Хорошо, если хор в верхней ноте подтянет,
подтянется вместе с тобою.
Кто во что, но душевно и в корень,
и корни поладят с душой...

Показательный фрагмент! Здесь и соборность, и пение-творчество, и корне-слобие (адамов язык?), и душевность. У Башлачёва именно душа есть связующее звено между человеком и Богом, именно душа наделена абсолютным (сакральным) знанием, нужно только уметь её услышать. Эти несколько строк — ещё одна реализация башлачёвской эсхатологической программы, башлачёвского апокатастасиса. Подъём к верхней ноте — это также и подъём на высоту, в общем, то же, что и выше восхождение к Небу, а ещё преодоление через хоровую (соборную) песню вавилонского языкового смешения, ср.: «Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?» («Имя Имён»).

В песне «Всё будет хорошо» также имплицитно дан башлачёвский апокатастасис (см. название). В этой на вид простой композиции есть целый ряд эсхатологических маркеров, возьмём хотя бы концовку:

Поутру споёт трубач
 Песенку твоей души:
 Всё будет хорошо —
 Только ты не плачь.
 Скоро, скоро,
 Ты только не спеши.
 Ты только не спеши.

Окончание вселенского цикла у Башлачёва — это утро или весна, в данном случае — утро. А трубач есть ангел апокалипсиса. «Споёт» — то, что в Библии названо «трубным гласом» (обратим внимание на сцепку: «глас», то есть «голос», и «споёт»). Ну а то, что мы — на пороге (в Евангелии сказано: «близко, при дверях»), это эксплицируется в виде двойного повторения лексемы «скоро».

Отмечу интересный эпизод, который встречается в воспоминаниях: Башлачёв уверял, что в день взрыва Чернобыльской АЭС слышал именно звук архангеловых труб. В это же время (однако до катастрофы!) были написаны его основные эсхатологические тексты. А уж если вспомнить, что «чернобыльщик» есть второе название полыни, то башлачёвские поэтические интуиции и вовсе кажутся удивительными: «в небе синем опять, и опять, и опять запеваёт звезда» («Имя Имён»). Напомню, что звезда Полынь — важный эсхатологический символ в христианской апокалиптике (см. Откровение Иоанна Богослова).

Но если все спасутся, то в таком случае возникает вопрос: а как же суд? Зачем он? И если всем уготовано высшее благо, почему все страдают? Это было бы неразрешимой апорией, если бы Башлачёв не дал нам подсказку в одной из самых своих поздних записей — речь идёт о концерте в районе Речного вокзала (Москва, 14 января 1988 г.). Единственный раз на моей памяти в «Егоркиной былине» поэт вместо: «Там, где без суда все наказаны» спел другое: «Там, где до суда все наказаны». И это последняя фонограмма — больше Башлачёв «былину» не пел (по крайней мере, мне такие записи не известны). Так вот в чём дело: суд будет не наказывать, а искать возможность для оправдания! А наказание уже происходит — ад вот он, здесь. Ад — это наша Земля. Поэтому не совсем прав С.С. Шаулов: «Современность предстаёт у Башлачёва как возмездие за грех русской истории. Суд уже совершён» [Шаулов: 88]. Но если заменить слово «суд» на «наказание», то всё встанет на свои места.

Далее исследователь продолжил свою мысль: «У Пушкина страдание глубоко этично, оно дается как искупление или испытание. В поэзии Башлачёва страдание — неотъемлемый признак мира. Оно внеэтично, это не искупление, но приговор» [Шаулов: 89]. Я бы сказал — не приговор: наказание имеет силу физического закона, закона природы. Его нельзя отменить, его можно преодолеть через всеобщее делание, через творческое сотрудничество.

Недвусмысленно об этом наказании говорится в песне «Пляши в огне». За полгода до смерти (концерт в Ленинграде, 7 мая 1987 г.) Башлачёв спел не привычное: «Раз уж я с собой не в ладу», а соборное: «Раз уж мы с собой не в ладу». Вот оно — всеобщее наказание! И вместо «раз уж ты в аду» произнесено: «раз уже в аду». Казалось бы мелочь, но знаковая мелочь: «уж» не несёт

особой смысловой нагрузки, а вот «уже» указывает на протекание действия здесь и сейчас. Кроме того, «уже» метроритмически «съедает» местоимение «ты», то есть избавляет контекст от единственного грамматического числа.

Что же получается в итоге? Если Бог не судит, то кто же тогда судия? По Башлачёву, судия — ты сам: «Вместо икон / станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала» («Имя Имён»). И отчёт человек даёт самому себе, вероятно, своей душе. Традиционное представление о Боге — праведном Судье (иудаизм, христианство, ислам) заменяется концепцией суда над собой. Не поэтому ли: «Храни нас, Господи, покуда не грянул гром» («Вечный пост»)? Бог — хранитель, а судья — ты сам себе: «Всякий знает срок — / Всяк себе Балда» («Пляши в огне»). За счёт слова «срок» это заимствование можно атрибутировать как однозначно пушкинское: по сказочному сюжету, Балда дожидался срока расплаты, что не раз обыгрывается в тексте, например: «О расплате думает частенько: / Время идёт, и срок уж близенько». Балда — отнюдь не случайный для Башлачёва образ, где понятие расплаты приобретает эсхатологические коннотации. Получается, перед нами особая теодицея, в которой Всевышний уже не Судья, а Хранитель.

А вот по Библии, будет поставлено 12 престолов, куда сядут судьи-апостолы. Хотя и отзвуки башлачёвской концепции «самосуда» в Библии есть: «каким судом судите, таким будете судимы» (Матф. 7:1). В этой связи обратим внимание, что разделение языков у Башлачева, в отличие от Библии, произошло не по божьему повелению, а по человеческому произволению: «Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?» («Имя Имён»). Кто мешает языки? Мы — а не Бог. Отсюда же фраза: «Не суди ты нас...» («Вечный пост»), адресованная явно к Господу. Правда, немного выше по тексту: «Синяком суди да ряди в ремни». Очень интересный фрагмент! Чтобы понять, о чём здесь идёт речь, приведу его полностью:

Я пойду смотреть, как твою сестру
Кроют сваты в тёмную, в три бревна.
Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди, да ряди в ремни.

Возможно, императив последней строки относится не к Богу, а к обобщённому адресату «ты». Кроме того, здесь многообразно обыгрывается тема брака: с ней связаны и сваты, и венчание, и «суди-ряди». Последнее явно соотносится с выражением «суженый — ряженный», а уж через эту фразу Башлачёв пробрасывает мостик к корпусу литературных текстов о святочном гадании («Светлана» Жуковского, «Поэма без героя» Ахматовой и т. д.). А гадали-то чаще всего на жениха! Обратим внимание, что Святки — дни после Рождества, это ещё одна ниточка, которой «Вечный пост» связуется с «Именем Имён», последний как раз — рождественский текст, где Рождество парадоксально смыкается с апокалипсисом. Если бы не «свадебный контекст», то «суди да ряди», конечно, следовало бы понимать более прямолинейно, то есть «судить да рядить» — это долго и нудно кого-то или что-то обсуждать. Но за счёт этих брачных слов у четвёртой строки приведённого выше фрагмента появляются свадебные потенции. Брак — тоже часто встречающийся в Библии образ, в Новом Завете к тому же он связан с апокалипсисом: Церковь — невеста, а Христос — жених. Вспомним притчу о девах и светильниках: ведь приход жениха в ней прообразует именно конец мира и последний суд. Свадьба оказывается концом времён и общим судом. У поэта свадьба

также знаковый мотив, означающий переход от старого мира к новому (см., например, песню «Петербургская свадьба»).

Однако у Башлачёва есть и ещё один судия: жизнь. Об этом сказано в «Триптихе памяти В.С. Высоцкого»: «Жизнь... Она не простит только тем, кто думал о ней слишком плохо», а также в интервью: «Жизнь своим судом, так или иначе, даст тебе понять, правильно ты делаешь или нет. Но если это не получается, тут нечего плакать. Просто надо понять, что это не твоё место, и найти своё место» (цит. по: [Наумов: 566]). Впрочем, суд жизни не есть суд загробный, так что можно говорить как минимум о двух «судах»: скажем так, бытовом и бытийном.

Самое интересное, что указанные выше примеры из «Имени Имён», «Вечного поста» и «Егоркиной былины» — это всё, что есть у песенного Башлачёва о суде. По крайней мере, это всё, что имеет корень «суд». Но на самом деле, судебных примет у поэта куда больше. И в основном все они — в тех пяти эсхатологических песнях, что были названы выше. Разве что тема жатвы-суда есть и в более ранних произведениях. Тут, конечно, поэт апеллирует к евангельской притче о зёрнах и плевелах, это один из центральных образов поэтики Башлачёва: «Как ветры осенние жали — не жалели рожь», странно только, почему ветра не весенние? Ведь утренне-весенних эсхатологических маркеров у Башлачёва великое множество. А осенних, кажется, больше нет. Тут загадка.

Теперь перейдём к косвенным указаниям на суд. Начну с фразы: «Вроде за мелким ершом отродясь не ловилось ни брюха, ни духа!» («Имя Имён»). Долгое время я не мог понять: что это за ёрш? Почему он здесь? А потом мне попала на глаза «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» (написана в XVI в. или в XVII). И эта повесть... о суде! Согласно этому произведению, «лихой человек» Ёрш (не отсюда ли фраза: «Лихом глядит битый век...»?), который «загрязнился и зачернился» (не отсюда ли: «мутим воду в речах?»), захватил чужое озеро. По этому поводу Лещ и Головль судятся с ним.

Интересно, что в 1972 г. эту повесть переложил земляк Башлачёва (поэт родом из Череповца) писатель Василий Белов. Последний — знаковая фигура для Вологодчины, в воспоминаниях о Башлачёве он иногда фигурирует, вот что говорит известный рок-критик Артемий Троицкий: «Я помню, что мы как-то разговаривали с ним и с Парфёновым (журналист Леонид Парфёнов. — В. Г.) по поводу этих знаменитых вологодских почвенников-русопятиков — писатель Белов, поэт Рубцов... И надо сказать, что Башлачёв ко всей этой братии относился очень иронично» (цит. по: [Наумов: 283]). Таким образом, в «Имени Имён» мне всё-таки мерещится тень Василия Белова, хотя я, может быть, и не прав. В любом случае, связи с «Повестью о Ерше Ершовиче», на мой взгляд, здесь очевидны.

Песня «Когда мы вместе» также содержит массу судебно-эсхатологических намёков. Наиболее явный среди них: «Все святые пущены с молотка»: здесь смыкаются судебный молоток и аукционный. А в целом речь идёт о поругании (утрате?) веры. Ассоциативно к этим «святым на аукционе» примыкают «стоны краденой иконы» из «Лиха», а также «пропитые кресты» из «Мельницы».

Второй судебный маркер из песни «Когда мы вместе» — русалки «ведут по кругу нашу честь» — намёк прозрачен: к судье принято обращаться «ваша честь». Почему, правда, «нашу честь» ведут русалки? Не из того ли

они «судебного озера», где обитает Ёрш Ершович? Ведь вода потопа («пала роса»), по Башлачёву, это и есть начало суда-апокалипсиса? В начале «Когда мы вместе», как и в «Имени Имён», появляются водные образы, а один — связан с грязной водой: «Я воли не давал ручьям / Да что ты, князь? Да что ты брюхом ищешь грязь?». Показательны и следующие за этими две строки: «Рядил в потёмки белый свет / Блудил в долгу да красил мятежом...». «Рядил» есть, а «судил» — предполагается? Ведь в следующей строке — снова нечто судебное: фраза вышла из фразеологизма «долг платежом красен». А последний суд — это и есть, по Библии, расплата за все долги.

Ещё одна показательная строка из той же песни: «Судя по всему, это всё по мне». Данный перевёртыш построен по зеркальному типу и фонетико-этимологически связан с тем же судом за счёт слова «судя». Эта своеобразная «фраза-зеркало» как будто наводит нас на след ключевого судебно-эсхатологического фрагмента у Башлачёва, который я уже цитировал: «станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала».

В песне «Когда мы вдвоём» (некий «двойник» «Когда мы вместе» — по крайней мере, по названию) тоже есть как будто «зеркальный» образ:

Когда мы вдвоём,
Я не помню, не помню, не помню о том, на каком мы находимся свете.
Всяк на своём. Но я не боюсь измениться в лице,
Измениться в твоём бесконечно прекрасном лице.

Здесь лирический субъект отражается не в зеркале («Имя Имён»), не в мире («Когда мы вместе»), а в лирической героине. А она — это не только конкретный (биографический) адресат, но также и душа, муза, вера, гитара, Родина...

В рассматриваемом тексте есть и другие «конечные» образы: «Хоть смерть меня смерть», «Увидимся утром, тогда ты поймёшь всё сама». В последней фразе эсхатологическое утро несёт в себе высшее знание по типу «и подымет мне веки горячим штыком» («Посошок»), то есть лирическая она «в том, что есть, увидит, что почём» («Вечный пост»).

Этот обновлённый мир, где будет достижимо высшее знание и где «воздастся каждому по стыду», назван Башлачёвым «златые дни» («Вечный пост»):

Хлебом с болью встретят златые дни.
Завернут в три шкуры да все ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи!
Храни нас, покуда не грянет Гром!

Главные судебные образы даны в песне «Пляши в огне», особенно здесь выделяются строки:

Гадами ползут времена,
Где всяк себе голова.
Нынче Страшный Зуд, на,
Бери меня, голого.
Нынче Скудный день. Горе — горном,
Да смех в меха!
С пеньем на плетень — горлом
Красного петуха.

Прозрачны отсылки к выражениям «Страшный суд» и «Судный день»: Башлачев в своей излюбленной манере работает с паронимической аттракцией фразеологизмов. Также во фрагменте появляются гады-времена, которые ещё и ползут: нельзя не указать на библейскую образность, связанную с грехопадением (змея-искуситель). Интересно и сочетание: «Горе — горном, да смех в мехах». Горн — металлургическая печь, но одновременно и музыкальный инструмент: по сути, та же труба. В первом значении горн соотносится с мехами: огонь в горне раздувают мехами, а труба — понятно: тот же намёк на «трубный глас» как «голос апокалипсиса». Эти два значения сублимируются в четвёртой строке нашего отрывка: здесь и пенье, и двоящийся «петух»: «дать петуха» — неумело спеть, и «пустить красного петуха» — поджечь. Так сплавляются образы печи, огня (песня-то — «Пляши в огне»), пения и последнего суда. Обратим внимание на это «нынче»: песня написана в черномыльском апреле 1986 года. Знал ли уже о катастрофе Башлачёв? Судя по воспоминаниям, не знал, так как сначала в песне, судя по воспоминаниям, не было фразы: «мы облучены».

Далее поётся: «скоро время задуть часы» (это эквивалент библейского «времени больше не будет», Откровение Иоанна Богослова 10:6). Но насколько скоро? В июле 1987 г. в Ленинграде поэт спел: «Я тебя люблю, и сейчас я уйду, раз уж я пришёл». Вот это «сейчас» на более ранних записях не встречается. Это слово свидетельствует, что то будущее, которое выше было обозначено маркером «скоро», вот-вот наступит. Уже наступает. На это указывает соединение настоящего («сейчас») и будущего («уйду»), опять та же мысль, мол, «близко, при дверях».

А ведь поэт не был так уж и не прав: состоялся и суд над советской системой, где «только и подарков — то, что не отняли» («Лихо»), состоялось и эсхатологическое разрушение коммунистической мечты о светлом будущем («мы строили замок, а выстроили сортир» («Чёрные дыры»)), пришло и апокалипсическое чувство при виде распадающегося мира — в 1991 году. А потом было и предсказанное Башлачёвым в песне «Вечный пост» второе крещение Руси — то есть не календарное (1988), а именно «событийное»: после семи десятилетий атеизма началось восстановление тысяч храмов и монастырей, а потом был новый Владимир, правда, не Красное Солнышко (именно его образ дан в «Вечном посте»), но тоже подчёркнуто верующий «князь», который многое сделал — в том числе и личным примером — для христианизации страны...

Интересно на эти же темы рассуждает Л. Дмитриевская: «Если просто, без попыток интерпретации и комментариев, соотнести странный факт биографии с творческим поэтическим откровением, то получится, что поэт в течение месяца пишет “Евангелие” о России, о поэте, наполняя его предчувствиями грядущего апокалипсиса, а затем слышит звук трубы и понимает, что это за труба: “Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки” (Откровение 8:10,11)» [Дмитриевская: 80—81].

Итак, поздний Башлачёв выстроил упорядоченную эсхатологическую систему, где личное смыкается с общественным, а историческое — с мифологией, религией, мистикой. С лингвистической точки зрения эта система есть попытка насытить контекст максимальным числом смыслов, увеличить полисемические

потенции за счет виртуозной «настройки» контекста, в котором слова соединяются и семантически, и фонетически. Можно утверждать, что поэт действительно создал сверхсложный и даже в чём-то таинственный язык для выражения апофатического, сакрального. Смысловым ядром башлачёвской эсхатологии стала христианская апокалиптика, правда, переделанная «на свой лад». В ней, как в эоне, сплавлено прошлое, настоящее и будущее, мир находится на пороге нового откровения свыше, и оно будет масштабней и величественнее всех прежних откровений (ср.: Великий пост — «Вечный пост»). А тут уже угадывается что-то нью-эйджевское, но это — отдельная тема...

Список литературы / References

- Бойков А.И. Языковые особенности поэтического идиолекта А.Н. Башлачёва: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013. 238 с.
(Boikov A.I. Linguistic features of the poetic idiolect of A.N. Bashlachev: Dissertation Candidate of Sciences (Philology), Yaroslavl, 2013, 238 p. — In Russ.)
- Дмитриевская Л. Время собирать камни: евангельские и фольклорные образы в поэзии Александра Башлачёва // Александр Башлачёв: исследования творчества: сборник научных трудов. М.: Рус. шк., 2010. С. 65—84.
(Dmitrievskaia L. Time to collect stones: gospel and folklore images in the poetry of Alexander Bashlachev, *Alexander Bashlachev: Studies of creativity: A collection of scientific papers*, Moscow, 2010, pp. 65—84. — In Russ.)
- Курачёв Д.Г. Межконфессиональные отношения как формы социокультурного взаимовосприятия: (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2005. 424 с.).
(Kurachev D.G. Interconfessional Relations as Forms of Sociocultural Mutual Perception: (Socio-Philosophical Analysis): Dissertation Doctor of Sciences (Philology), Ufa, 2005. 424 p. — In Russ.)
- Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий. 3-е изд., испр. и доп. М.: Выргород, 2017. 610 с.
(Naumov L. Alexander Bashlachev: a singing man, Moscow, 2017, 610 p. — In Russ.)
- Свиридов С. В. Мистическая песнь человека: эсхатология Александра Башлачёва // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. С. 94—107.
(Sviridov S.V. The mystical song of man: Eschatology of Alexander Bashlachev, *Russian rock poetry: text and context: A collection of scientific papers*, Tver, 1998, pp. 94—107. — In Russ.)
- Шаулов С.С. А.С. Пушкин и А.Н. Башлачёв в дискурсе постмодернизма // Пушкин и современность: материалы научно-практической конференции. Уфа: Ред.-изд. центр Башк. ун-та, 1999. С. 83—95.
(Shaulov S.S. A.S. Pushkin and A.N. Bashlachev in the discourse of postmodernism, *Pushkin and modernity: Proceedings of the scientific-practical conference*. Ufa, 1999, pp. 83—95. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 23.11.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

Gavrikov Vitaliy Alexandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of State Administration and Management, Bryansk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Bryansk, Russian Federation, yarosvettt@mail